

Тамара Князева,
журналист

Второе рождение Бояна

*Но вдруг раздался глас приятный,
И звонких гуслей беглый звук,
Все смолкли, слушают Баяна...*
А. С. Пушкин

Боян явился нам в 1800 году со страниц замечательного памятника древнерусской литературы «Слова о полку Игореве», 800-летие которого отмечает вся мировая общественность. С первых же строк поэмы перед нами вырисовывается вдохновенный образ певца, сказителя, поэта, посвящавшего свои песни подвигам и ратным трудам давнего времени. Автор «Слова» преклоняется перед его мудростью и талантом, строки поэмы так и дышат восхвалением Бояновых песен:

*О Боян, соловей старого времени!
Кабы ты эту рать своей песнью воспел,
скача, соловей, по мысленному древу,
взлетая умом под облака,
свевая славу по обе стороны сего времени!
Рыща тропию Троянову чрез поля на горы,
так бы песнь про Игоря петь Велесову внуку:
«Не буря соколов занесла чрез поля широкие,
и не галки стаями летят к Дону великому...»
Или так бы запеть, вещий Боян, Велесов внук:
«Кони ржут за Сулою —
звенит слава в Киевѣ».*

С момента публикации «Слова о полку Игореве» лучшие умы России обратились к его постижению. И конечно же образ Бояна привлек особое внимание. Он принес удивительное известие ныне живущим, что не во мраке невежества жили их предки 600 лет назад, а, напротив, имели своих поэтов, которые могли создавать замечательные поэмы. Интересно, что Карамзин, напечатавший в третьем томе «Истории Государства Российского» прозаический пересказ «Слова», создал и первое изображение Бояна. Свой знаменитый «Пантеон российских авторов» он открыл рисунком Бояна в виде пастушка с лирой, на фоне водопада внимающего соловью. Хотя рисунок и выполнен в меланхолически-сентиментальных традициях того времени и никак не совпадает с нашим сегодняшним представлением о Бояне, но факт знаменателен. И Карамзин сам подчеркивает это в подписи к рисунку: «...Мы не знаем, когда жил Боян и что было содержанием его слад-

ких гимнов; но желание сохранить имя и память древнейшего русского поэта заставило нас изобразить его в начале сего издания».

С момента появления и до сегодняшнего дня образ Бояна стал вдохновителем русской поэзии. К нему обращались Херасков, Державин, Радищев, Жуковский, поэты-декабристы Катенин, Рылеев, Федор Глинка, Кюхельбекер... И для каждого Боян — это пример служения Отечеству, пример высокой гражданственности. «Певец лет древних славных, певец времени Владимира, коего во гrome парящая слава пронеслась до Геллеспонта, Боян, певец сладчайший, коего глас, соловьиному подобный, столь нежно цекотал слухи твоих современников; возложи, Боян, благозвонкие твои персты на одушевленные, на живые твои струны; ниспошли ко мне песнь твою из горних чертогов света...» — говорит Радищев в стихотворении «Песни, петье на состязаниях в честь древним славянским божествам». «Вещий перст живые струны всколебал», — таков Боян у Катенина, а у Жуковского в его глубоко патриотической поэме «Певец во стане русских воинов», навеянной Бородинским сражением, обращение к Бояну уже приобретает традиционную форму: «О, радость древних лет, Боян! Ты, арфой ополченный, летал пред строями славян, и гимн гремел священный...» Очень точно и метко определил и выразил это явление гениальный Пушкин: «История страны принадлежит поэту». Пожалуй, с этого времени образ Бояна становится символом и любая энциклопедия теперь поясняет, что «...слово «Боян» стало нарицательным для обозначения поэта».

Эти раздумья овладели мною по дороге в Трубчевск, маленький городок Брянской области, которому в 1975 году исполнилось — тысяча лет. Как и прежде, за окном попутной машины расстилались просторы древней земли с ее лугами, пашнями, перелесками, с ее деревнями и селами, названия которых: Выгоничи, Переторги, Уручье, Полужье, Удельные Уты — говорили об их солидном возрасте, и как прежде, мною владела радость от предстоящей встречи с древнейшим городом. И радость эта была еще сильнее оттого, что я снова увижу... Бояна. Да! Того самого... Со страниц «Слова о полку Игореве». Он заново родился здесь, десять лет назад, чем и ознаменовал тысячелетний юбилей Трубчевска, родился в скульптуре.

Мы знаем, что необъятная поэтическая, изобразительная и музыкальная биография «Слова» вошла в золотой фонд отечественной культуры и уступает разве только Пушкиниаде. И, естественно, что образ Бояна нашел свое выражение, взволновал не одного художника. В наше время ему отдали дань известнейшие Виктор Васнецов, Иван Голиков, Владимир Фаворский. Но это в живописи, графике... А в скульптуре? В скульптуре же трубчевский памятник Бояну — первый и единственный... Его авторы — молодые брянские скульпторы Александр Кобылинец и Федор Городков, архитектор — ленинградец Александр Маначинский.

Трубчевск открывается издали. Опоясанный с одной стороны синей лентой Десны, он в зелени садов, выступают только песчаные берега и белые крыши новостроек. А над всем городом и над Десной царит Троицкий собор,

Трубчевск.
Памятник Бояну

воздвигнутый в XVI веке. И в который раз удивляешься — как «держит» этот собор все вокруг: поля, пригорки, реку и сам город, как объединяет все это в единую законченную картину. А если принять во внимание сообщенные археологами, что под собором найдены фундаменты и цоколь кирпичной четырехстолпной церкви конца XII — начала XIII века явно Киевской культуры, то можно мысленно представить трубчевскую землю в те далекие времена, вообразив вместо собора древний храм.

Нет, неспроста памятник Бояну появился в Трубчевске. Тысячелетняя история — это ведь почти вся история России... И корни ее уходят в те века, когда жил и пел Боян.

О времени зарождения города свидетельствует Лаврентьевская летопись, в которой говорится, что по велению князя Владимира Святого «нача ставити городы по Десне и по Встри и по Трубежеви». Современные ученые уточнили дату. Институт археологии Академии наук СССР, производивший систематические раскопки в Трубчевске и его окрестностях, определил время рождения города концом третьей четверти X века.

Город упоминается и в Троицкой летописи в связи с походом князя Игоря на половцев: «...И снятася у Переславы Игорь со двема сыномы из Новгорода Северского, из Трубеча Всеволод, брат его Ольгович Святослав из Рылска и черниговская помочь и внидоша в землю их». Автор же «Слова о полку Игореве» не только называет город, но и воспевает силу и смелость трубчевского князя Всеволода, удаль его «хороброй» дружины в следующих строках:

*Яр-Тур князь Всеволод!
Стоишь на обороне,
прыщешь на воинов стрелами,
гремишь о шеломы мечами булатными;
куда, Тур, ни поскачешь, своим златым шеломом
посвечивая,
там и лежат поганые головы половецкие.
Порублены шеломы аварские саблями калеными
твоими, Яр-Тур Всеволод!*

Дедовскую боевую славу пронесли поколения трубчан через все века жизни города. Во время Великой Отечественной войны 1941—1945 годов город был одним из центров партизанского движения на Брянщине. Трубчевские партизаны не только наносили удары по коммуникациям врага, но и удерживали под своим контролем значительную часть территории района. Почти два года в тылу у врага работали райком партии, райисполком. Колхозники сеяли и убирали урожай, снабжали партизан продуктами, собирали деньги в фонд Красной Армии. Дважды партизанские соединения изгоняли оккупантов из города, а осенью 1943 года вместе с регулярными частями окончательно освободили Трубчевск.

Старинное слово «рытик» до сих пор сохранилось в обиходе трубчан. Связывается оно с настойчивостью, смелостью, решимостью коренного жителя, который находит выход из самых сложных положений. Пошло оно от Федьки Рытика — предводителя крестьянских восстаний против крепостничества, уж больно оборотист и смел был крестьянский вожак. Немало легенд ходит о Федьке Рытике, многие и сейчас сохранились. Одна рассказывает:

«...поймают его, засадят в острог, скуют ему крепкими кандалами руки и ноги и даже к стенке прикуют, а вокруг поставят стражу с ружьями, чтоб не убежал, а он возьмет уголек, напишет угольком на стене лодку, плеснет на лодку водой, а потом сядет в лодку, а с собой посадит всех своих товарищей и скажет тут страже, мол, до свидания, да и поплывет с песнями куда ему надо. А стража ничего сделать не может, остановить, значит. Так и ищи-свищи Федьку-Рытика».

Новые сказы о «рытиках» родились в Трубчевском районе в годы борьбы с фашизмом. Поспрашивайте — и вы услышите о славном командире партизанского отряда Иване Сенченкове, разведчиках Вере Крысиной и Вале Белоусовой, и юных мстителях Михаиле Милютине, Марусе Кохановой, Григории Седачеве. И не только об отдельных героях, вам расскажут о знаменитом отряде имени Кутузова, о непобедимом взводе имени Александра Невского, действия которых навели ужас на фашистов по всей округе.

Интересен Трубчевск и своими памятниками истории и культуры. Несмотря на лихолетье военного времени, многие памятники и ценная застройка древнего города сохранились и вызывают интерес исследователей. Более того, Трубчевск внесен в список городов, «имеющих архитектурные памятники, являющиеся памятниками национальной культуры».

— Все сыграло свою роль, когда мы задумали принять участие в конкурсе на памятник тысячелетию Трубчевска — и история, и облик города, и, я бы сказал, его душа, — говорит архитектор Александр Маначинский. — А душа у него удивительная — едва приезжаешь сюда, как чувствуешь — будто это твой родной город... И овладевает желанье — остаться здесь навсегда.

Но на мысль о Бояне, конечно же, натолкнуло «Слово о полку Игореве». К тому времени как раз стало известно, что академик Б. А. Рыбаков нашел грамоту, в которой говорилось, что вдова Бояна после смерти мужу распродавала земли в окрестностях Трубчевска... Тот ли это Боян, другой ли — неизвестно?! Ученые на этот вопрос пока ответить не могут. Ну, а мы — решили дерзнуть и дать дом Бояну в Трубчевске...

Скульпторы работали над памятником не просто увлеченно, но и радостно, хотя трудностей было немало. Все окупалось благодарностью темы и замысла. «Хотелось приблизить своего героя к сегодняшнему времени, сделать близким современникам, — говорили скульпторы, — но как найти в обширном материале о «Слове» ту, отправную точку, которую можно принять за основу при создании образа Бояна?!»

Стасов, безмерно любивший «Слово» и верно угадавший его национальную сущность, писал: «...мы везде чувствуем события, действительно реальные, исторические, мы везде встречаем образы живые, дышащие атмосферой Древней Руси, везде имеем перед глазами картины действительной русской местности, русской обстановки, разнообразнейших предметов бытовых, наконец, эпический склад, не имеющий в себе уже ничего чужого, заимствованного, и переносящий наше чувство и воображение в среду древнерусской жизни, понятий и воззрений». Именно

такое восприятие «Слова» и стало той основой, исходя из которой и рождался трубчевский Боян.

— Прошло время, многое сделано за эти годы, но памятник Бояну — наша самая любимая работа, такой она и останется на всю жизнь, — говорят скульпторы, — потому что, создавая образ Бояна, мы как бы окунулись в незамутненный родник великого творения Древней Руси, где все и доньше живет и дышит всепоглощающей любовью к Отечеству.

...В Трубчевск хорошо приезжать весной, когда цветут его знаменитые яблоневые и грушевые сады, бело-розовая кипень которых так густо укрывает город, что и крыш не видно, только прорываются и как корабли плывут над городом макушки старинных церквей. Путь к Бояну — через весь город к Соборной горе. Стоит он в древнем парке, недалеко от Троицкого собора, над Лесной. Виды, открывающиеся отсюда, захватывают дух своей красотой — окаймленный лесом, синее горизонт, бесчисленные речные старицы утром и вечером дымятся туманами, а днем искрятся и горят в лучах солнца, словно россыпи драгоценных камней. И кругом тишина... Такая тишина над этими просторами, которую редко услышишь в наш шумный современный век. Смотришь в этой тишине на Бояна и чудится — будто вот-вот он шевельнет перстами и раздастся звук гуслей... Такое же ощущение было у меня и тогда, в тот праздничный день, когда открывался памятник. Все помню как сейчас.

Одиннадцать часов утра... Парк переполнен: сюда переместился весь город — каждому хочется увидеть открытие памятника. И вот звучит торжественный гимн, медленно спадает белое покрывало, и перед тысячами собравшихся предстает вдохновенная фигура «вещего» Бояна, отлитая из бронзы... И все замирают — необъяснимой красотой вдруг повеяло от этого юного старца: ветер развеивает его седые волосы, играет в бороде, но ничего не чувствует певец, взгляд — поверх голов слушателей, он весь — порыв... Пальцы одной руки медленно приближаются к струнам и, кажется, сейчас они зарокочут. И струны... зарокотали. Это было как чудо. Наступившую тишину взорвала музыка, вступил дружный хор, и над просторами Десны полетело знаменитое «Славься...» из оперы М. И. Глинки «Иван Сусанин». Это было настолько неожиданно, — музыка... здесь, над Десной, под открытым небом, на древней трубчевской земле, что поверилось, будто и в самом деле Боян «свои вещие персты на живые струны возложил».

На самом же деле музыкальное обрамление юбилейного праздника взял на себя русский народный оркестр «Боян», к которому присоединился и сводный хор трубчевского культпросветучилища.

Получивший признание в нашей стране и за рубежом, русский народный оркестр «Боян» приехал в Трубчевск по собственному желанию. Для музыкантов оркестра участие в праздновании юбилея города было осуществлением заветной мечты. Об этой мечте я узнала от художественного руководителя и создателя оркестра «Боян», заслуженного артиста РСФСР Анатолия Ивановича Полетаева, услышав поистине замечательный рассказ:

— Когда создавался оркестр, мы нарекли его «Бояном». Это нас ко многому обязывало, но это и вдохновляло. Произведения русской классики, народная музыка определили репертуар оркестра. В процессе работы как-то сама собою, естественно родилась мысль — увидеть на русской земле памятник Бояну, созданный на народные средства. И кому бы я ни говорил об этом, наша идея воспринималась с восторгом. В конце концов я решился пойти со своим предложением к министру культуры РСФСР Ю. С. Мелентьеву. Его ответ буквально сразил меня. «Вы опоздали... — спокойно сказал Юрий Серафимович. — Памятник Бояну уже создан: он будет открыт в честь тысячелетнего юбилея города Трубчевска».

Можете себе представить мое состояние: радость, волнение! И, конечно, я стал просить, чтобы оркестр выехал в Трубчевск. Просьбу мою удовлетворили.

Присутствовавшие на праздничных торжествах гости и хозяева города не знали этой истории, но все были поражены вдохновенностью выступлений «боянцев» и душевной щедростью их руководителя, Анатолий Иванович объединил местные хоры, провел несколько репетиций для исполнения «Славься...», тщательно продумал все музыкальное сопровождение и подарил городу первое исполнение произведения композитора Владимира Дунаева на слова Игоря Кобзева «Былина о Святогоре», которую исполнил солист Большого театра заслуженный артист РСФСР Борис Морозов.

...В Москве на заповедном Арбате в бывшем Гагаринском переулке, ныне улица Рылеева, 22, стоит небольшая церковь Власия — памятник архитектуры XII века. Это своеобразный концертный зал оркестра «Боян». Здесь любит бывать общечеловечность Москвы: под древними сводами памятника с его изумительной акустикой игра музыкантов особенно впечатляющая.

Сейчас, когда реставрация всего архитектурного комплекса подходит к концу, Анатолий Иванович Полетаев вновь поставил перед собой вопрос о памятнике Бояну:

— Нужна копия или, как говорят, «повторение» трубчевского памятника... Представьте себе — Боян здесь, на улице Рылеева, перед древним храмом, в котором звучит музыка, исполняемая оркестром его имени... Разве не впечатляюще? Но главное в том, что здесь, в Москве повторение трубчевского Бояна смогут увидеть и узнать тысячи и тысячи людей!

Что ж, идея прекрасная! И хочется сказать Анатолию Ивановичу — в добрый путь! Пусть и эта мечта осуществится!

Сейчас же важно другое — бронзовый Боян, прекрасный и одухотворенный, есть наяву, а не только на страницах «Слова», в легендах и сказаниях, не только в нашем воображении. И свидеться с ним очень просто. Его адрес: Трубчевск Брянской области. Здесь на тысячелетней земле города, над высокой излучиной красавицы Десны — его отчий дом.